

А.В. ОБОЛОНСКИЙ

Народ, власти и полиция: уличные протесты в современных США*

В статье представлен аналитический обзор событий, связанных с массовыми политическими протестами, прошедшими в США осенью 2011 г. Его выводы могут использоваться как эмпирическая основа для сопоставлений в российской и других общественно-политических ситуациях.

Ключевые слова: политические демонстрации, полиция, конституционные права, политические права.

The paper presents an analytical review of the events related to the mass political protests that took place in the U.S.A. in the autumn of 2011. His findings can be used as an empirical basis for comparison of the situations in Russia and other countries.

Keywords: political demonstrations, police, constitutional rights, political rights.

Проблематика политических уличных протестных акций приобрела в последние годы особую актуальность. Волны массовых политических демонстраций прокатываются по городам самых разных стран – богатых и бедных, демократических и авторитарных. И сегодняшняя Россия – далеко не последняя в этом ряду. Более того, для России эти вопросы сейчас особенно важны как в силу их динамики, так и из-за нашей пресловутой “специфики”. На мой взгляд, главное в этой специфике – глубоко укорененное в отечественной традиции негативно-репрессивное отношение власти к любой социальной активности, если она не санкционирована “сверху”, причем особенно, хотя не исключительно, к активности политической, по отношению к которой запретительно-карательные меры всегда особенно целенаправленны и жестоки. И вся цепочка действий власти последнего периода настолько недвусмысленно и определенно продемонстрировала это, что, полагая, в статье нет необходимости тратить место и время для доказательства столь очевидного.

Ее задача иная – информационная и практическая. Мне представляется важным рассказать как о законодательном регулировании, так и о практическом поведении участников массовых акций, причем их разных сторон – демонстрантов и полиции. Объект обзора ограничен по месту и времени. Это США, причем, в основном, события 2011 г., но законодательное регулирование, разумеется, выходит далеко за эти временные рамки.

* Исследование, положенное в основу данной статьи, было частично выполнено благодаря гранту имени Г. Старовойтовой, полученному на конкурсной основе и финансируемому Бюро образовательных и культурных программ Госдепартамента США. Работа производилась в Институте Кеннана Международного исследовательского центра имени Вудро Вильсона. Ни одна из названных организаций не несет ответственности за высказанные в статье взгляды.

Протестные идеологии: краткий обзор

Содержательные аспекты протестов, их политическая направленность не являются в данном случае предметом специального рассмотрения. Поэтому лишь кратко обозначу основные краски их весьма широкой палитры. Главный объект критики – крупные корпорации и банки, по мнению протестующих не только спровоцировавшие финансовый и экономический кризис, но и заставляющие “простых людей” расплачиваться за его последствия. Эту позицию отражает лозунг – “Нас 99%!”. “Нью-Йорк таймс” в редакционной статье так обозначила ситуацию: “Чрезмерное неравенство доходов угрожает создать из части среднего класса устойчивый низший класс, состоящий из способных и волевых, но не имеющих работы людей – поколение потерянных возможностей” (“New York Times”, October 8, 2011).

Силен в протестах и либертариистский дух. Он традиционен для Америки, но новый импульс ему придала компьютерная эра. Связанный с ней поворот в сторону технократического управления либертариисты считают ложным, тупиковым путем. Идеологический центр этого направления – Институт Катона. Вот что, например, пишет автор одной из вышедших под эгидой этого института работ: “Технологические достижения создали мир, где правительства могут быть больше не нужны... Новые технологии дали людям новые возможности... В информационный век планирование невозможно... Экспансия государственной власти не освобождает людей от необходимости контроля над ней. Правительство не может нарушать естественные неотчуждаемые права и свободы, и люди вправе сопротивляться тираническому репрессивному правительству... Государство – великая фикция, в рамках которой каждый старается жить за счет другого” [Doherty, 2006]. Впрочем, либертариизм отнюдь не предполагает анархизма. Его главный пафос – не отмена государства, а его серьезная перестройка на принципах самоорганизации людей, открытости, горизонтальности и максимального ограничения роли лидеров и иерархии [Rathke, 2011].

Порой либертариистскую идеологию пытаются связать с недавно возникшим на правом крыле Республиканской партии движением Tea Party из-за его риторики, направленной против “большого правительства”. Но, на мой взгляд, и по своему интеллектуальному уровню, и по своей политической крайне консервативной направленности, и по взглядам его активистов оно – феномен явно другого (более низкого) уровня и характера [Ron... 2012].

Гораздо более серьезными представляются моральные, не связанные напрямую с какими-либо политическими силами достаточно массовые и охватившие едва ли не все главные города страны акции “оккупантов”, **тон в которых задавали образованные, интеллектуально продвинутые гражданские активисты, в основном, принадлежащие к “среднему классу”**. При неизбежных для людей этого типа идейных расхождениях и спорах их, помимо экономических проблем, объединяло и другое, на мой взгляд, не менее важное: задетое чувство собственного достоинства, гражданская ответственность, гуманистические ценности, ненасильственная тактика. Их политические взгляды заслуживают специального уважительного анализа. Я же в данном случае сосредоточусь на событийных моментах – реальных действиях “оккупантов” и реакциях полиции.

Правовой аспект

Но сначала о правовой стороне дела. Первая поправка американской Конституции гласит: “Конгресс не должен издавать законов, устанавливающих какую-либо религию или запрещающих ее свободное вероисповедание, либо ограничивающих свободу слова или печати или право народа мирно собираться и обращаться к Правительству с петициями об удовлетворении жалоб” [Конституции... 1997, с. 30]¹. Нас в данном

¹ Замечу, что, на мой взгляд, этот утвердившийся еще с советских времен перевод несколько смягчает смысл Поправки. Последние слова *redress and grievances* можно перевести и как “устранение повода для недовольства (вариант – жалобы)”. Да и слово “петиция” (*petition*) в американском политическом контексте

случае интересует заключительная часть поправки. Конституция изначально и совершенно недвусмысленно установила приоритетность свободы слова и собраний как базовой ценности и запрет властям на нее покушаться, в том числе изданием каких-либо ограничительных законодательных норм. Иными словами, фундаментальные права и свободы людей выше всего остального.

Разумеется, проблема не так уж проста. Как говорил когда-то Вольтер: “Ваша свобода размахивать руками ограничивается расстоянием до моего носа”. То есть свободы и права разных граждан и их групп могут входить в противоречие друг с другом. И помимо этого, политическая реальность порой вынуждает правительство идти на определенные ограничения гражданских свобод. А еще чаще правительства, прикрываясь якобы “высшими” интересами, злоупотребляют своими prerogatives и ограничивают права одних в угоду интересам других либо даже собственным эгоистическим интересам причастных к власти лиц. И американская история, как и любая другая, в этом отношении тоже порой бывала отнюдь не идеальна. Другое дело, что в конечном счете гражданские свободы как высшая ценность всегда торжествовали. Хотя и непросто. Известная фраза *freedom never is for free*, вряд ли требующая перевода, думаю, максимально лапидарно отражает реалии политической истории США.

Проблематика эта неоднократно обсуждалась в судах, решения которых в США, как известно, являются одним из источников права. Адекватный обзор ее современного состояния содержится в так называемой “Lectric Law Library”². Обратимся к статье Д. Шофилда – главного юридического инструктора одного из управлений Академии ФБР – с этого сайта: “Верховный суд указал, что в публичных местах следует проявлять максимальную терпимость даже к оскорбительным и грубым речам, чтобы обеспечить воздушное пространство (так в оригинале. – *A.O.*) свободам, защищаемым Первой поправкой. В этой связи перед полицией возникают сложные проблемы двойного характера ответственности: необходимость и обеспечить права протестующих, и обеспечить определенный порядок”. Процитированная статья дает обзор судебных решений на этот счет. Они основаны на трех принципах: 1) следует обеспечить высокий уровень защиты политических речей в традиционных местах публичных форумов, по отношению к которым запреты общего характера (*blanket prohibitions*) антиконституционны; 2) определенные ограничения по времени и месту допустимы, если они безотносительны к содержанию выступлений, конкретно связаны с существенными правительственными интересами и оставляют альтернативные возможности для произнесения этих речей; 3) ограничения возможны в случае, если речи или поведение протестующих порождают незаконные действия, как нарушение определенных границ (*trespassing*) или насильственное вовлечение случайных или незаинтересованных наблюдателей (*captive audience*). Чтобы было понятно, что имеется в виду, поясню на примере: суд во Флориде установил 12-метровую буферную зону для протестующих против абортов перед северо-западным крылом производящей аборты клиники, а также запретил “запугивание пациентов и персонала устрашающими визуальными образами и избыточным усилением звукового и шумового эффекта”, производимого протестующими. Но в аналогичной ситуации в Калифорнии суд счел избыточной мерой установление 100-метровой буферной зоны перед клиникой.

Важна судебная оговорка, что любая норма, допускающая какое-либо произвольное усмотрение и жестко не связанная с местом и временем протестной акции, содержит потенциал для подавления определенной точки зрения и потому неконституционна. Также подвергается критике само право исполнительной власти решать, необходимо ли в том или ином случае согласовывать с ней проведение протестной акции.

означает не просто жалобу, а содержит оттенок требовательности. Иными словами, народ не челобитную подает, а скорее, высказывает правительству свое недовольство тем, как оно ему служит.

² Lectric Law Library. Controlling Public Protest: First Amendment Implications. Lectlaw.com. 1994–2012. Сайт этот полезен еще и тем, что содержит выходы на все законодательство, связанное с правозащитной тематикой.

Действия гражданских активистов и реакции полиции

Наибольшую известность, по крайней мере – за пределами США, получили события осени 2011 г. в Нью-Йорке, на южной оконечности Манхэттена, где от нескольких сот до двух тысяч человек (точные цифры назвать невозможно, ибо число и состав “окупантов” менялись) расположились палаточным лагерем в так называемом Зуготти-парке и оставались там в течение нескольких месяцев. Их главным лозунгом было “Occupy Wall-Street”. В их поддержку 5 октября марш солидарности числом около 15 тыс. человек двинулся к парку от площади Фоли через Бруклинский мост и далее в направлении юга Манхэттена. Несмотря на законный характер марша, первая реакция городских властей была весьма жесткой и нервической: полиция теснила демонстрантов, произвела задержания и, по свидетельству корреспондентов “Гардиан” и телестанции “Фокс”, даже применила против них перестрелку из газов. Однако это вызвало бурную встречную реакцию публичного возмущения и вовлекло в протесты множество новых людей, причем не только в Нью-Йорке. Пожалуй, наиболее четко и лапидарно смысл этого был сформулирован в следующих словах: «Полицейское насилие по отношению к спокойно сидящим в ряд людям есть грубое злоупотребление властью. При виде этого наша “коллективная кровь” (*collective blood*) закипела вне зависимости от того, согласны мы с протестующими или нет. И протест против экономического неравенства быстро перерос в протест против полицейского государства» (“Forbes”, November 19, 2011). Что касается полиции, то дополнительную остроту и “пикантность” ситуации придавало то обстоятельство, что буквально за несколько недель до событий один из крупнейших банков – Дж.П. Морган Чейз – перечислил в городское управление полиции беспрецедентную сумму – 6,4 млн долл. – на ее технологическое перевооружение (“The Guardian”, October 6, 2011). Похожие события произошли 11 октября и в Бостоне, где полиция тоже применила против демонстрантов силу и тоже произвела аресты. Правда, там сведений о дополнительной “подкормке” полиции нет.

И тут очень показательна реакция властей. На следующее утро президент Б. Обама, которого спросили на пресс-конференции об отношении к происшедшему, сказал: “Я думаю, что люди разочарованы и поднимают голос в связи со своим более общим разочарованием тем, как работает наша финансовая система. Американцы понимают, что не все соблюдают правила, и Уолл-стрит – пример этого”. Он даже подверг, по моему мнению, завуалированной критике действия нью-йоркских властей, заявив: “В эти дни многие люди, поступавшие правильно, не были поддержаны, а многие, поступавшие неправильно, были поощрены”. Далее президент высказал критические замечания в адрес финансовой системы за “скрытые выплаты и обманывающие цены”, но, естественно, поддержал финансовую систему как таковую, сказав, что “сильный финансовый сектор необходим для роста экономики”³. В другой аудитории ему вторил и вице-президент Дж. Байден. После этого и мэр Нью-Йорка М. Блумберг, разумеется, не испытывавший симпатий к протестующим, тем не менее тоже вынужден был поговорить о чрезмерных заработках людей с Уолл-стрита, а также о действиях полиции, которые он, как мог, но не слишком убедительно оправдывал. Мэр Бостона Т. Мерано выступил двойственно: заявив, что “гражданское неповиновение не будет терпеться”, он тут же, по существу, поддержал протестующих, сказав, что согласен с их посланием и что всю свою карьеру посвятил борьбе с теми же самыми несправедливостями со стороны корпораций, и т.п. С поддержкой права граждан на мирный протест практически в тот же день выступили Национальная гильдия юристов и Союз американских гражданских свобод.

Протесты тем временем расширились, и уже на следующий день полиция повела себя совершенно иначе: прибыв поначалу в парк, видимо, с намерением предпринять

³ См. блог: “American Constitutional Society for law and policy” за 12 октября 2011 г. с подробным пересказом интервью, данным газете “The Boston Globe” юридическим наблюдателем, где, в частности, говорится, что “действия полиции ежедневно напоминают нам, что она больше не защищает американский народ и служит не ему, а больше благополучию и власти”.

какие-то действия против лагеря и даже попробовав применить перечный газ против сидевших в ряд демонстрантов, она встретила такой взрыв громкого массового возмущения стоявших вокруг, что просто растерялась, а затем отступила, сопровождаемая улюлюканьем и скандированием “позор вам”, “уходите” и др.⁴ В итоге лагерь в Зуготи-парке простоял около пяти месяцев и был ликвидирован лишь следующей весной по санитарным соображениям. К тому же он и сам к этому времени, заявив о себе максимально громко, постепенно выродился в своего рода “тусовку” неприкаянных людей.

По несколько иному, более любопытному и, на мой взгляд, имеющему более общее значение и поучительному сценарию события разворачивались в столице – Вашингтоне, где **полиция отказалась применять репрессии по отношению к манифестантам.** Чтобы объяснить причину этого, нужно сначала вернуться назад – в 2000 г. Тогда в городе проходило регулярное заседание Всемирного банка, штаб-квартира которого там находится. Ему предшествовало несколько международных встреч в Америке и Европе, также сопровождавшихся массовыми протестными акциями, которые, к сожалению, в отдельных случаях переходили в акты вандализма и по отношению к которым со стороны полиции были предприняты избыточные меры безопасности, а также не всегда целенаправленное и умеренное противодействие. Поэтому к мероприятию готовились заранее – и протестующие, и полиция. Протестующие, в основном молодежь, съезжались в столицу со всей страны, где частично размещались в студенческих общежитиях. Полиция, действуя в рамках своей охранительной логики, превентивно задержала несколько сот человек, в основном приезжих. Впрочем, затем события проходили по вполне мирному сценарию. Квартал, где расположен банк, был полностью оцеплен полицией, а по периметру оцепления расположились, в основном сидя, демонстранты с лозунгами и “речевками”. Полиция вела себя по отношению к ним более чем терпимо (это – мое личное наблюдение). На второй или третий день демонстранты получили возможность провести многотысячный марш с лозунгами (причем самого разного политического содержания) по так называемому “эллипсу”, то есть прямо перед Белым домом. Полиция пребывала там в самом минимальном количестве и сугубо в качестве наблюдателей. Помимо этого, вдоль Конститушн авеню было установлено несколько десятков больших “армейских” палаток, внутри которых стояли длинные столы, за которыми происходили спонтанные дискуссии вокруг “горячих” тем и в которых мог принять участие любой пришедший.

Но для нашего сюжета главное состоит в другом – в том, что произошло потом: превентивно задержанные (и, разумеется, вскоре и без последствий для них освобожденные) **люди в массовом порядке подали иски в суды за незаконное задержание с требованиями моральной компенсации. И суды признали их правоту, а город был вынужден выплатить людям многомиллионные штрафы! После этого руководство полиции было уволено, а в ее рядах произведена серьезная кадровая чистка. И полиция урок, преподанный ей системой правосудия, усвоила, что в полной мере проявилось осенью 2011 г.**

Вот краткое описание событий. В Вашингтоне сложилось множество различных групп недовольных. Их перечень составляет несколько десятков (около сорока) названий. В начале октября часть из них собралась на Фридом-плаза, другая – на Макферсон-плаза. Площади эти стали как бы постоянными исходными базовыми площадками для разнообразных действий демонстрантов. Например, в один из дней около двух тысяч человек прошли маршем по направлению к Белому дому. Власти этот марш не санкционировали, но и не препятствовали ему. В другой день состоялся марш по более длинному маршруту – к мемориалу Мартина Лютера Кинга. В третий – к Музею авиации и космоса. Лозунгов было много и самых разных. Вот только несколько для примера. “На выборах нас никто не представляет – и это плохая новость для Обамы”,

⁴ Эти события есть на восьмиминутном видео. Очень впечатляющем и в разных отношениях поучительном, на мой взгляд (“Forbes”, November 19, 2011) (http://www.youtube.com/watch?v=WmJmmnMkuEM&feature=player_embedded).

“Остановите Машину”, “Нужды людей, а не жадность корпораций”, “Основы шатаются”, “Нас слишком много, чтобы проиграть”, “Мы – народ”, и т.д.

Помимо маршей делалось и многое другое. На Макферсон-плаза большая группа людей сложила из себя число 99. Время от времени производилось символическое закрытие контор главных, по мнению протестующих, виновников – Палаты коммерции, Банка Америки, Ситибанка... Прошла конференция на тему “Wall Street идет против Healthcare”, основной посыл которой состоял в том, что интересы бизнеса направлены против программ здоровья.

Всех объединяла какая-то общая атмосфера праздника утверждения человеческого достоинства, чувство своего права не просить, а требовать от правительства сделать удовлетворение реальных человеческих нужд главным приоритетом. Демонстрантов поддерживало множество людей, которые хоть и не принимали прямого участия в акциях, но разными способами выражали с ними солидарность. В частности, большинство офисов, которых на этих площадях множество, периодически самозакрывалось, символизируя этим свою моральную поддержку. Даже большинство кафе и ресторанов, несмотря на явные убытки, делало то же самое (см. материалы “The Washington Post” за октябрь 2011–январь 2012 гг.).

События не ограничились лишь главными городами. Их эхо прокатилось по всей Америке – от Бостона в Массачусетсе до Сакраменто в Калифорнии. В частности, в один из дней более чем в полутора тысячах городов прошел “Day Actions from Tahrir Square to Times Square”. В Балтиморе много идеологов протеста – в основном белых людей из среднего класса – пришли в довольно неординарное для себя место – в так называемую Черную Африканскую церковь. Вместе с обычными ее прихожанами и поддерживавшим их священником они отслужили мессу, а затем выступали, объясняя, что их цель – не раздувать программы помощи, а по-честному научить людей стать “фискально ответственными”, то есть следить, чтобы налоги, которые они платят, шли на обустройство будущего для них и их семей (“The Washinhton Post”, раздел “The Root DC Live”, December 18, 2011). В целом можно сказать, что движение “оккупантов” обрело симпатии и моральную поддержку со стороны значительной части общества.

Полиция и власти

Итак, американское общество крайне резко отреагировало на полицейские репрессии против демонстрантов. Благодаря его гражданской зрелости репрессии оказались контрпродуктивными для тех, кто пытались ими погасить протест.

Впрочем, было бы неверным упрощением демонизировать полицию и идеализировать власти. В том же Вашингтоне власти, не осмеливаясь выступать против протестов по существу, попытались перенести все в плоскость создаваемых “оккупантами” неудобств и гигиенических требований. К применению силы и наказаниям зывали и правые политики (так, некоторые конгрессмены стали сетовать, что из-за демонстрантов им стало трудно приезжать на работу на машине), и консервативные голоса из церковных кругов. Правда, последним тут же оппонировали, поддержав протестующих, другие религиозные сообщества. В некоторых случаях полиция прямо признавала, что на нее “давят” из властных кругов.

Словом, полиция оказалась между двух огней и была поставлена перед необходимостью предпринимать хоть что-то. В итоге она запретила устанавливать на площадях палатки и готовить еду. Но с этим протестующие довольно легко примирились. Нашлись достаточно эффективные способы решать такого рода проблемы, не нарушая запретов. И **вашингтонские “оккупанты” оставались на площади несколько месяцев и разошлись сами лишь тогда, когда посчитали свою миссию выполненной.** В Олбани же в аналогичных обстоятельствах полиция прямо отказалась выполнять приказ губернатора штата об арестах “нарушителей порядка”.

Надо сказать, что эти проблемы стали в полицейских кругах предметом профессионального обсуждения. Например, специальное внимание было уделено проблеме

пассивного сопротивления. Было признано, что эта эффективная форма гражданского неповиновения, основанная на философии ненасилия и восходящая к М.К. Ганди и М.Л. Кингу, ставит проблемы и перед полицией, и перед судами, впоследствии рассматривающими поданные в связи с ее действиями иски. В обзорной статье по данной проблематике приводится целый ряд примеров как судебной, так и превентивной, то есть осуществляемой самой полицией, корректировки применения силы, в том числе – недопущения ее чрезмерности. Заключение статьи, названное “Внимательная избирательность и четкий контроль за потребностью в применении силы”, заслуживает, на мой взгляд, чтобы его очень внимательно прочли разные люди: и оппозиционеры, и их защитники, и, особенно, наши политики, управленцы и полицейские начальники: “Стратегии пассивного сопротивления могут создавать сложности для обеспечения законного порядка силовыми средствами при попытках вмешательства в протесты и демонстрации. Однако обычно серьезность совершаемых нарушений минимальна; ненасильственное сопротивление обычно не создает непосредственной угрозы безопасности ни для официальных лиц, ни для кого-либо другого; протестующие активно не сопротивляются их аресту; более того, они предпочитают арест попытке избежать его, убежав. Поэтому, столкнувшись со стратегиями пассивного сопротивления, официальные лица должны тщательно избирать тактику для использования силы и внимательно контролировать ее применение” [Zigmund, 2012].

Думается, что неоднозначное поведение полиции в контактах с протестующими имеет несколько причин. С одной стороны, полиция – военизированная структура, приказы в которой, как известно, должны выполняться беспрекословно. Но с другой стороны, полисмены ощущают себя частью общества, и уж определенно не принадлежащей к привилегированному меньшинству⁵. К тому же идеология приоритетности защиты интересов граждан составляет немалую часть профессионального обучения полицейских. Да и, кроме того, их, наверное, сдерживает возможность последующего их осуждения общественным мнением, превращения в своего рода “козлов отпущения”. И вашингтонский прецедент начала века недвусмысленно об этом напоминает. А для “забывчивых” есть внятное напоминание, выраженное в одном из текстов протестантов следующими словами: «Придет время, когда оправдания типа “я лишь выполнял приказы” не будут считаться приемлемыми».

Отчетливо понимаю соблазн спроецировать американский опыт на более близкие реалии. Собственно, статья во многом для этого и написана. Но презумпция уважения к читателю делает это излишним, предоставляя ему самому проделать эту работу. Как говорится, умному достаточно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Конституции зарубежных государств. М., 1997.
Doherty B. Radicals for Capitalism. Washington, 2006.
Rathke W. The Global Substructure Beneath the Occupy Movement // Social Policy. Winter. 2011.
Ron Paul or Gury Johnson? Division in Liberty Movement. Front Page, Politics. September 2, 2012. Tea Party and Occupy Phonies // Washington Times, online edition. 2012.
Zigmund E. Chief’s Counsel: Police Use of Force: the Problem of Passive Resistance // The Police Chief. The Professional Voice of Law Enforcement. November 2012.

© А. Оболонский, 2013

⁵ Тут по аналогии можно вспомнить лозунг одного из московских митингов, официально разрешенного и состоявшегося на Триумфальной площади несколько лет назад: “Полиция с народом – кончай служить уродам!”.